

КРУЗОБОР

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

Есть события, о которых мы привычно читаем в мемуарной литературе, но, если они происходят на наших глазах, осознаем их с трудом. Суду времени мы порой доверяем больше, к сожалению, чем собственным чувствам.

Еще несколько лет назад имя Василия Александровича Сухомлинского было известно лишь педагогам и специалистам, лишь тем, кто особо интересуется воспитанием детей. А сегодня Сухомлинский — признанный классик педагогики. И это никого не удивляет. На его работы ссылаются почти в каждой статье о воспитании, его книги, ранее вышедшие в 8—10 тысячах экземпляров, за несколько последних лет превысили миллионный тираж. И попробуйте купить томик Сухомлинского!

Видимо, учитель из Павлыша ответил на какие-то очень важные для всех

вопросы, выразил некое общее стремление, и его мысли совпали с мыслями миллионов.

Человечность, вера в людей, вера в огромные возможности воспитания, мощный творческий порыв — вот что привлекает в Сухомлинском. Миллионы его читателей — это и миллионы его единомышленников.

Сухомлинский не изобретал эффективных педагогических систем. Не придумал ничего сверхъестественного, такого, чего не знали бы и до него. Но он в великой степени был наделен ощущением реальной жизни и любовью к детям. Детская радость, детское счастье, развитие способностей детей, обогащение и возвышение их душ — вот что было для него выше всего на свете. «Дети должны жить в мире красоты, игр, сказок, музыки, рисунка, фантазии, творчества», — писал Сухомлинский в самой известной своей книге «Сердце отдаю детям». Этот мир должен окружать ребенка не

мое трудное, что есть в воспитании», — считал он и разрабатывал учение о том, как прививать детям добрые чувства, чувства гражданина и патриота. Он начал с простого: учил детей любить маму, бабушку, уважать отца и семейные традиции, любить все живое и красивое в окружающем. Учил действенной доброте. Высокое чувство было для него главным плодом воспитательной работы. Не то важно, что ребенок трудится, а то, что он испытывает радость труда. Не то важно, что он совершил доброе дело, а то, что он поступил бескорыстно, не ожидая похвалы и испытывая радость от радости другого человека.

И выше всего ценил Сухомлинский подвиг. Да, подвиг тоже был для него воспитательным средством! Он считал, что человек, однажды совершивший подвиг, морально преобразуется, и делал все возможное, чтобы каждый из его учеников хоть раз в жизни совершил что-то, лежащее на пределе

сердце, отданное детям

На второй звуковой странице Василий Александрович Сухомлинский размышляет о воспитании с детства твердых нравственных понятий. С этой магнитофонной записью прежде могли познакомиться только гости павильона образования ВДНХ Украины. Теперь голос замечательного педагога может прозвучать в каждой школе, в каждой семье. Вот так и в жизни был он прост, нетороплив и говорил, казалось бы, самые обычные слова. Но вслушайтесь, вдумайтесь — и вас поразят его убежденность, страстность, нравственная чистота.

только дома, но и в школе; тогда ребенок будет хорошо учиться, будет торопиться в школу и школа станет для него могучим источником радости.

«Чтобы дети хорошо учились, надо, чтобы они... хорошо учились», — сформулировал Сухомлинский самый простой и, наверное, самый главный закон учения. В этом нет парадокса. Действительно, только чувство успеха, постоянного продвижения вперед прибавляет детям сил и обостряет, развивает их способности, так что даже самые слабые в развитии ребята испытывают гордость и держатся в классе уверенно. А ведь в этом и заложена основа счастливой жизни ребенка: как бы мы ни были добры к нему, как бы ни ласкали, ни баловали, ребенок не может быть счастлив, если он сам не трудится, не прилагает усилий к тому, чтобы хорошо учиться, не справляется с учением.

Но, пожалуй, наиболее важные мысли Сухомлинского — о воспитании чувств. «Учить чувствовать — это са-

его сил и возможностей, — совершил подвиг.

Жизнь Сухомлинского, как и жизнь любого педагога, не украшена необычайными приключениями. Учил детей, потом воевал, был тяжело ранен под Москвой, а с 1948 года и до самой своей смерти 2 сентября 1970 года (ему было тогда чуть больше пятидесяти) работал директором Павлышской средней школы под Кировоградом. И каждый день вставал в четыре, в пять часов утра, входил в кабинет при школе и мелким, ровным, спокойным почерком уверенного и мудрого человека писал свои книги и статьи — тридцать книг, полтысячи статей. Он каждый день своей жизни встречал рассвет за рабочим столом. Простая жизнь, а не подвиг ли? Ведь что такое подвиг? Поступок, который существенно влияет на жизнь последующих поколений. Существенно улучшает ее...

С. СОЛОВЕЙЧИК

Фото В. Чернова

Давно ли это было? Бежали за «фор-дзоном» босоногие мальчишки, визжали от восторга. Старики, наклоняясь, расковыривали отвал, нюхали землю: не пахнет ли керосином, не превратится ли пашня в мертвую пустыню?

Потом едва ли не молились на первый трактор. Заглядывали под капот, «лошадиньи силы» искали. Век еще расти, казалось, крестьянину, чтобы если и не подняться над машиной, то хотя бы стать с ней вровень.

Элитой были на селе трактористы. Красное место им за столом, первые ряды в клубе, первая шеренга в праздничной колонне.

И ныне, пять десятков лет спустя, механизатор — главная фигура в сельском производстве. Только теперь не человек мечтает дотянуться до меха-

ти четырем прожитым годам. Стремительный взлет! Попробуем расшифровать всего только одну — лауреатскую — строчку его биографии.

...Жатва достигала своего пика. Для комбайнера это пора, когда каждая минута добывает победу. Или, наоборот: упустил сроки, перележал в валке — и сложатся малые зерна в центнеры и тонны потерь. Насмарку тяжкий труд подготовки почвы, сева...

Что же делал Володя Пряхин, к тому времени уже молодой коммунист?

Началось для него с радости, разделить и понять которую может только механизатор. Получил Пряхин новый комбайн — «Колос», машину, судя по конструктивным данным, продуктивную, выгодную. Что — пересаживайся на нее и жми давай, прицеливайся на рекордный урожай? Но уважающий себя

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

низма, а машину приходится дотягивать до уровня механизатора, человека, чей рост — и в объеме знаний и в мере ответственности перед полем, перед насущным хлебом, перед людьми.

Владимир Пряхин — комбайнер совхоза «Маркс» Саратовской области. Какое-то представление об этом человеке дает снимок на полосе журнала. Многие может добавить читателю «Кругозора» звуковая страница, оживляющая в монологе Пряхина традиционную схему: человек — машина — хлеб.

Есть такое выражение — «полоса удач». Так говорят, когда человеку сопутствует в жизни редкостное везение. Без видимых усилий с его стороны. Везение — и все. Похоже, так складывалась жизнь и у Володи Пряхина. Школа, работа на комбайне помощником. Армейская служба. Снова комбайн, на этот раз уже за штурвалом. И премия Ленинского комсомола за труд. Это к двадца-

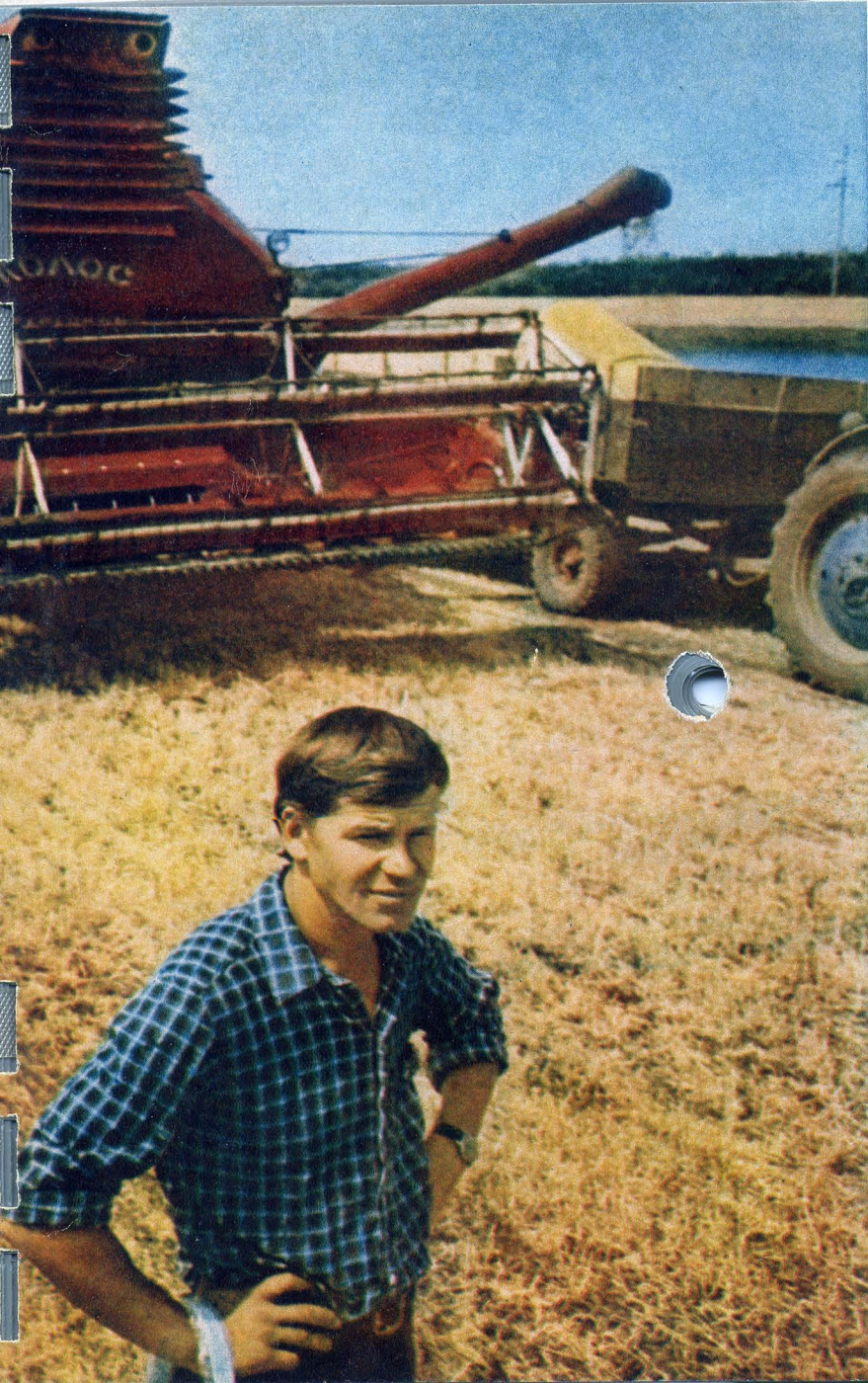
механизатор сразу в хлеба новую машину не запустит. Надо еще разобраться, что там и к чему. Инструкция немногословна, и пока сам каждый узел руками не ощупаешь, не переберешь, не приладишься к комбайну — пользы будет мало.

Да ведь и старый конь еще, как говорится, борозды не портит: выдавший виды СК-4 на полном ходу, работать бы ему и работать. С этой машиной решилось просто. Подготовил Володя двух хороших ребят. Как почувствует, что все у них на лад идет за штурвалом, оставит молодежь на старом комбайне, а сам — к «Колосу». С ним пришлось помудрить...

Есть разные формы общения человека с новой, не известной ему прежде машиной. Можно, поняв ее, приспособиться к ней. Или прислужиться ей к себе, к условиям, в которых ей предстоит действовать. Первая проще и вроде бы

эффективнее. Пряхин же выбрал вторую. Потому что упрямое желание довести, доделать агрегат, приспособить его к конкретным условиям оборачивается дополнительной пользой — не только для самого механизатора, но и для всех его коллег. И для самой машины.

Пряхин намолотил 16 тысяч центнеров зерна.

И еще, сам того не ведая, вовлек комсомол заводов-поставщиков из четырех городов в соревнование за присвоение новой машине государственного Знака качества. Проблема доводки «Колоса», поднятая механизатором, стала предметом серьезного разговора сначала на Всесоюзном комсомольском собрании, а затем и на коллегии Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР. Новый «Колос» со Знаком качества будет, непременно будет, и не в разовом образце,

фото Л. Лазарева

а в серии. Новый «Колос» станет обычной рабочей машиной на полях Кубани, Поволжья, целины.

Но даже серию начинает самый первый экземпляр. И разве нам не все равно, в чьи он руки попадет? Комсомольцы завода в Таганроге решили, что достанется первый комбайн именно Пряхину.

Крепко стоит на своей земле молодой механизатор, кавалер ордена «Знак Почета», лауреат комсомольской премии Владимир Пряхин! Это и его усилиями, одного из многих, кого наделяем мы сегодня старинным добрым званием «хлебороб», сильна и щедра земля, столько уже веков дающая человеку насыщенный хлеб.

Б. КОВАЛЬ
Саратовская обл.

*На первой звуковой странице —
рассказ о том,
как молодой комбайнер
выдержал экзамен на зрелость.*

Ты пришел откуда?
Как тебе я рад,
Вереск Робин Гуда,
Верный друг баллад!

На груди болота,
Прячась под кусты,
В память Вальтер Скотта
Розовеешь ты.

Вот бы жарким легом,
Расстегнув камзол,
Сесть мне с баронетом
За дубовый стол!

Пусть жужжит с опушки
Залетевший шмель,
А в тяжелой кружке
Золотится эль...
Я вернулся,
В детство,
В мир заветных книг,
И беру наследство
Там, где брать привык.

Стану ли жалеть я,
Что вот в этот час
Полтора столетия
Разделяют нас?

Времени не стало
Для моей мечты.
Все оно сказало.
Что же скажешь ты?

Не было на небе тучки ни единой,
День сверкал в сугробах
пышной белизны,
И кусты тянулись стайкою гусиной
Вдоль обледенелой крепостной стены.
Было это где-то в городке старинном
Там, в верховьях Волги
иль в холмах Днепра,
В стародавнем веке,
в обиходе чинном—
А могло присниться
только лишь вчера.
Голая береза наклоняла ветки,
Вся в грачиных гнездах,
в птичьей суетне.
Здесь мои когда-то,
видно, жили предки
В низеньких избушках
с огоньком в окне.

То и дело шаркал по доске рубанок,
Забивал сапожник гвоздики

в каблук,
Бабы выходили к речке спозаранок,
И вальков далеко разносился стук.

Пахло теплым хлебом,
дымом горьковатым,
Воробьи клевали смерзшийся навоз,
Клал рассвет на окна рдяные заплаты,
И туманил щеки девушкам мороз.

Что порою снится—
все как будто внове:
Далеко и близко, если сон глубокий.
Сказка неотступно

стала в изголовье,
И бежит все дальше бабкин колобок.

Вправду ли так было:
кто мне это скажет?
Заблудилась память навсегда
в былом.

В нашей русской крови
столько древней пряжи...
Хоть одну бы нитку завязать узлом!

Облака—пилигримы
Поднебесных пустынь,
Ваши легкие дымы,
Ветром взморья гонимы,
Расплываются в синь.
Петропавловской шпaги
Блеск в густой синеве,
Словно штрих на бумаге,
Продолжает зигзаги
В просветлевшей Неве.
Седину Ленинграда
Озарила весна,
Вазу Летнего сада
Овеивает прохлада
Пробужденного сна.
Город с сердцем героя,
С небывалой судьбой,
Поднимаюсь и строя,
Отдыхай после боя,
Награжден тишиной.
Стой, соратник державы,
Давший ей бытие,
Ловит шпиль величайший
Отблеск чести и славы
На свое острие!

Догорает в светелке свечка...
— Подожди, не вздувай огня.
Подари мне свое колечко;
Пусть останется у меня!
— Я б тебе его подарила,
Да боюсь, увезешь с собой
И забудешь все то, что было,
И подаришь его другой...
— Моёму ль ты не веришь слову?
Как сказал, так тому и быть.
Только б живу быть да здорову.
Нас, голубка, не различить.
Подползли уж враги к Рязани.
Слышишь, трубы в поход зовут?
Не кручинься. Наш час настанет.
Дожидаются те, что ждут.
А колы доля меня не минет
И заглянет мне смерть в лицо,
Друг с груди моей в поле снимет
И тебе возвратит кольцо.
Конь мой бьет у крыльища копытом.
Поспешать пора за людьми.
Верь, не быть мне в бою убитым...
— Вот колечко мое. Возьми!

О любви неразделенной
Сколько вздохов, сколько струн,
Пауз в трубке телефонной,
Пепла повести сожженной—
Для того, кто сердцем юн!
А пройдут года, иначе
Все расставит жизнь сама.
Потерявший не заплачет,
Знает он, что это значит:
Ждать звонка или письма.
Память, письма разбирая,
Отгоревшие дотла,
Скажет, легкий вздох роняя:
Хорошо, что и такая
В жизни все-таки была!..

Да, старость надо принимать,
как дар,
Как чашу, что наполнена до края,
И не дана нам молодость вторая,
Хотя и не остыл душевный жар.
Но, если годы обостряют зренье,
Смывая близорукости туман,
Считай, что все соблазны
повторенья—
Вновь найденный тобою талисман.

В КОЛЛЕКЦИЮ РЕДКИХ ЗАПИСЕЙ

На третьей звуковой странице стихотворением «Волчья гибель» «Кругозор» завершает публикацию всех известных записей голоса Сергея Есенина.

Ведет эту страницу наш постоянный автор, литературовед Лев Шилов.

Возглавляя фонотеку Союза писателей, он обследовал десятки архивов и частных собраний в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Ташкенте, собирая и переписывая редчайшие фонографические валики.

Так на звуковых страницах журнала

появились многие забытые или затерянные записи голосов писателей:

Л. Толстого, А. Блока, В. Брюсова, В. Маяковского, А. Ахматовой, Б. Пастернака, С. Есенина. Прямо по горячим следам поиска у нас появлялись эти находки и шли под специальной рубрикой «В коллекцию редких записей». Стихи Сергея Есенина в авторском чтении «Кругозор» публиковал трижды. За звуковую страницу с записью голоса матери поэта Татьяны Федоровны Л. Шилов был объявлен лауреатом журнала за 1966 год.

ЧИТАЕТ

Больше полувека назад, зимой 1922 года, профессор С. И. Бернштейн зафиксировал на восковых фонографических валиках голос Сергея Есенина...

Когда первый раз слушаешь эти записи, они поражают своей неожиданностью. Поэт, который, казалось бы, должен был читать проникновенно, задумчиво, певуче, читает неистово, бурно, громогласно. Услышав этот немного хриплый, подчас срывающийся, такой взволнованный голос, понимаешь, что нечто очень существенное в его стихах тебе еще не было открыто.

Бельгийский поэт Франс Эленс, переведший драматическую поэму Есенина «Пугачев», а потом услышавший ее в авторском чтении, признавался: «Я сгорал со стыда! Как я смел прикоснуться к этим стихам!.. Есенин не читал, а переживал поэму, он снова был землей, толпой, ветром. Он пел свои строки, декламировал, выкрикивал, он плевался ими, как его красношерстая верблюдица-заря, и промурлыкивал с вкрадчивой, кошачьей грацией. И это непривычное сочетание изящества и силы, варварского темперамента и непередаваемого артистизма захватывало, соблазняло, покоряло».

Запись монолога Хлопуши из «Пугачева» была восстановлена первой, еще в 40-м году. В 50-е годы она, как единственная, вошла в пластинку «Говорят писатели», составленную Ираклием Андрониковым, и получила широкую известность. Появление записи «Пугачева» было признано общественностью «таким же фактом истории литературы, как первое издание поэмы».

После монолога Хлопуши было найдено еще несколько записей: «Я покинул родимый дом», «Сорокоуст», «Разбуди

ЕСЕНИН

меня завтра рано», «Исповедь хулигана» и, наконец, «Волчья гибель». Многие стихи Есенина декламационны. В процессе работы над стихом он ясно представлял его будущее звучание и, примеривая строки на свой голос, вел их окончательную правку.

Именно так, по свидетельству литератора И. Старцева, создавалось и то стихотворение, которое вы услышите на нашей звуковой странице: «Есенин прочитал мне написанную им с маху «Волчью гибель». Стилистическая отделка записанного стихотворения производилась им уже спустя некоторое время, по мере того, как он прислушивался к собственному голосу в чтении. В этот же день Есенин читал стихотворение в поэтическом кафе «Стоило Пегаса». Возвращаясь домой после чтения, он по дороге сделал замечание: «Это я зря написал: «Из черных недр кто-то спустит сейчас курки». Непонятно. Надо: «Из пасмурных недр». Так звучит лучше».

Публичные выступления и чтения в дружеском кругу становились как бы завершением творческого процесса, средством обогащения стиха оттенками, не передаваемыми на бумаге. Поэтому так эмоционально-наполненно, так страстно-убежденно читал Есенин стихи, вкладывая в это чтение все сердце.

Захватывающая искренность, мужественность, неистовость, высокая трагичность—эти качества поэзии Есенина, которые уже знакомы читателю, теперь становятся особенно ощутимы для слушателя.

Лев ШИЛОВ

С. Есенин и В. Хлебников. Харьков, 1920 год. Фотография публикуется впервые.

«...Часто уроки я провожу в лесу,
в поле, на берегу реки.
Ребят очень привлекают птицы.
Хотелось бы послушать
пение птиц, которые
у нас не гнездятся.

Иволги,
например...»

Любовь
Чебоксарская,
учительница
г. Новокузнецк,
Кемеровская обл.

ПРИРОДА И МЫ

Чу! В роще голос заунывный
весенней иволги звучит!..

А. Майков

Среди тихого и настойчивого свечения берез, в успокаивающем шуме леса внезапно возникал звук. И тревога в нем слышалась, и ликование, и зов. Короткий, гулкий, округлый. Сразу и не разберешь, то ли просто повист, то ли песня. Фиу-ли-юу! Не знай я, что это птица, подумал наверняка бы, что леший играет на флейте. Хотя кто верит в леших сегодня! Песня заполняла влажный лес, и трудно было сразу понять, откуда идет она. Вот совсем рядом звучит, но хрустнул под ногой валежник, и грустный повист отдалился. Все дальше уводил он меня, и, словно в сказке, лес становился глуше. странное волнение охватывает в такие минуты, и все начинаешь делать наоборот: затаиваешься, задерживаешь дыхание, когда птица поет, и,

ЭТА ПТИЦА- ПРАЗДНИК

лишь смолкнет она, делаешь осторожные шаги. Тут уж, как назло, ногой обязательно попадет на сухую ветку, плечо задеет за ствол, микрофонный шнур зацепится за кустарник. И чуткая, осторожная птица скрытно перелетает с одной высокой верхушки на еще более высокую.

...В старосковском лесу, в окрестностях древнего русского городка Нерехты охотился я за песней иволги. Леонид Алексеевич Невский, старожил этих мест, тонкий ценитель природы, человек, знающий в здешних лесах каждую веточку, каждую травинку, рекомендовал мне в помощники свою ученицу — Маргариту Григорьевну Соболеву: «Она в лесу выросла. И птиц и зверье знает».

Побродив три дня по лесу с ней и ее сыном Лешей, выпускником средней школы, я убедился в справедливости такой рекомендации. И подумал: ее ученикам повезло, что не основную в общем-то для медучилища дисциплину (Маргарита Григорьевна преподает биологию) она сумела сделать главной, интересной. И те вылазки в лес, которые она устраивает будущим медикам, так или иначе становятся уроками, где учат доброте, любви ко всему живому. Ненавязчиво, с большим тактом. Походы эти, уверен, запомнятся ее ученикам на всю жизнь. Такой вот человек вызвался мне помочь в не совсем обычной лесной экспедиции.

Не очень везло нам в этой охоте. То день нахмурится, и щека опухнет весомые капли дождя, то пойдет гулять по верхушкам деревьев ветер (какая уж тут запись!), то иволга молчит, будто и не было ее никогда в этом лесу. Но коль хочешь выследить эту птицу, запасайся терпением и выдержкой. Запрокинув головы, в три пары глаз шарим мы по самым высоким деревьям. Чего вроде бы проще — заметить гнездо иволги. Легкий гамачок свисает она подальше от ствола, на тонких ветках, где они обычно сходятся рогаткой. Но не тут-то было! Шеи наши вертелись до хруста позвонков, а гнездо не находилось. Оставалось ждать песни. Может, по ней удастся найти?

Правда, в начале июня птица не обязательно держится возле гнезда.

Единственная из всех своих тропических сородичей, иволга облюбовала наши северные широты и прилетает позже других птиц, когда уже и ландыши померкнут и сирень погаснет под окнами,— на пороге лета. У других уже птенцы, а иволга только начинает вить гнездо. В июне откладывает четыре-пять белых яиц, выводит птенцов, и не успеет еще отзвенеть август, как она уже улетает в далекую Африку. А раз птенцов еще нет, не очень-то она держится возле гнезда. Шныряет по лесу. Там села. Там...

С вечера заметили одно место у высоких осин, где пела иволга. И вот, развернув аппаратуру, стали ждать. Сумрачный день клонился уже к вечеру, когда по верхушкам ударило солнце. И вдруг: фиу-ли-юу! Выглянутая, тонкая, золотистая, словно луч, иволга скользнула средь ветвей и смолкла. Чуть выждала, и снова лесное эхо разнесло единственное колено ее песни.

Под стать песне был и сам певец — ярко-желтый, с черными — цвета сажки — крыльями и хвостом. Подруга его выглядела скромнее. Наряд ее желтовато-зеленый. Птица по-настоящему красива, празднично красива.

Полминуты, не больше, пела иволга на старой осине, а затем, почуввав, видимо, наше присутствие, издала пронзительный, резкий звук — сигнал тревоги. Неслышно скользнула по верхушкам. И вот уже чуть вдали послышалось снова: фиу-ли-юу!..

Упасть бы с размаху в траву на тихой опушке, смотреть, как в синем небе качаются цветы, слушать лес. И среди необъяснимых тайных шорохов, привычных посвистов зяблика — звучные позывные леса: фиу-ли-юу! В светлом, высокоствольном лесу, где обычно живут иволги, звук этот самый приметный, удивительный.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Старовский лес, Костромская обл.

Фото Б. Машкова

На четвертой звуковой странице вы услышите иволгу и рассказ о ней.

ГОСТИ СССР

Более пятидесяти лет назад мир узнал впервые имя Луи Армстронга. С тех пор, слушая звонкий голос его трубы или обаятельную хрипотцу напетых им блюзов и джазовых песенок, мы уже не могли его спутать ни с кем.

Улицы Нью-Орлеана, шаткие палубы колесных пароходов на Миссисипи, тесные дансинги в негритянских гетто стали его музыкальными университетами. Прекрасные музыканты-самоучки — «Виг» Билл Брунзи, Джелли Ролл Мортон, Кинг Оливер, Флетчер Хендерсон, Сидней Беше — были его наставниками и поводырями в солнечной и экзотической стране джаза.

«Я верю, что идея и душа джаза несут в себе правду и это подлинно высокое искусство», — писал Луи Армстронг в своей книге, вышедшей в 1936 году.

И вот сегодня, слушая выступления оркестра «Нью-Йорк джаз репертуар компани», исполнявшего на гастролях в СССР программу памяти Луи Армстронга, мы улыбаемся воспоминаниям о выдающемся негритянском музыканте, непреходящей красоте и молодости оставленных им мелодий.

РИТМЫ АРМСТРОНГА

— Отправляясь к вам на гастроли, — говорит Дик Хаймэн, пианист и художественный руководитель оркестра, — мы испытывали особые чувства еще и потому, что должны были познакомить советских слушателей с чрезвычайно многообразным творческим наследием одного из лучших музыкантов Америки, утвердившего на джазовой эстраде свой, неповторимый стиль исполнения.

Пятнадцать музыкантов, собранных Диком Хаймэном, оказались достаточно многоопытными и виртуозными исполнителями для того, чтобы повести нас за собой в мир музыки Луи Армстронга. Хаймэн и сам не прочь был называть их не иначе, как «стреляными воробьями», подразумевая, должно быть, не столько возраст артистов — а он довольно велик: от 50 до 70 лет, — но главным образом солидность их послужных музыкальных списков, жизнь, прожитую в джазе. Действительно, мы увидели один из лучших джазовых ансамблей США.

К тому времени как «Нью-Йорк джаз» прибыл в Москву, он уже успел дать несколько концертов в Алма-Ате, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Ярославле...

Александр МАРЬЯМОВ

На одиннадцатой звуковой странице слушайте мелодии Армстронга: «Красотки выходят из дома», «Сан-Луис-блюз» в исполнении «Нью-Йорк джаз репертуар компани». Солистка Керри Смит.

В 1942 году в Ташкенте режиссер Леонид Луков начал снимать фильм «Два бойца». Предполагалось сначала, что картина пойдет лишь в сопровождении симфонической музыки. Но по ходу съемки Луков почувствовал, что без песни не обойтись. «Понимаешь, не получается у меня сцена в землянке без песни», — сказал он мне. И так взволнованно рассказал о том, что должно в этой песне быть — и вера в победу, и вера в то, что непременно останешься жив, и вера в тех, кто ждет, — так передал мне настроение, что я, сев за рояль, без единой остановки сыграл свою мелодию «Темной ночи», которая потом вошла в фильм без изменения. Песня родилась за пятнадцать минут. Случай такого мгновенно сочинения в моей практике единственный.

Срочно вызвали поэта Владимира Агатова, и он так же быстро написал слова. Разбудили Бернеса, отсыпавше-

Война виделась мне, в то время подростку, очень остро, беспощадно. Наша семья, как и вся Франция, шла сквозь это страшное время. Мать старалась нас прокормить. Тяжело болел брат. Часто мы ночью уходили из дома из-за облав. Вся жизнь была в тревоге.

В Сопротивлении у меня была скромная роль. Я входил в состав группы, которая именовалась «Боевой сетью», и занимался шифровкой радиogramм для передачи их в Лондон. Я копался в странных текстах. Например: «Мельпомена спит на зеленом лугу». Или: «Воздух пахнет гелиотропом». Это означало, что Рене Массильи (будущий министр иностранных дел в первом временном правительстве генерала де Голля) должен отправиться на тайный аэродром, чтобы улететь в Лондон. Дешепи были и такие: «Кошка съест мышь» или «Кроко-

7 и в памяти, и в песне

гося после утомительных съемок. Поздним вечером раздобыли гитариста, ночью на студии записали фонограмму, а наутро Луков уже в декорации снимал Бернеса под фонограмму.

Кстати, из-за «Темной ночи» по моей же вине произошла первая размолвка с Луковым. Обуянный жадной славой и нетерпением, я передал ноты моему другу Л. Утесову еще до выхода фильма на экран. Луков и Бернес были рассержены чрезвычайно, и у них были на то основания. Утесов стал петь «Темную ночь» повсюду, записал ее даже на пластинку. Правда, пластинка эта не появилась: весь тираж пошел в брак. Дело оказалось в том, что девушка из ОТК, прослушивавшая восковую матрицу, капнула на нее слезу...

Артисты же ташкентских фронтовых бригад повезли песню на фронт, на передовую. Там началась ее настоящая жизнь, о которой вспоминают теперь, в новой моей песне, «седые парни».

НАШИ ПРЕМЬЕРЫ

В этом номере «Кругозора» помещены две новые песни, несущие в себе отзвук великого сражения народов против гитлеровского порабощения.

Автор первой — народный артист РСФСР Никита Богословский, — вспоминая далекие военные годы, обозначает их едва заметным пунктиром «Темной ночи» — одной из известнейших наших песен.

Мы публикуем его рассказ о том, где, когда и при каких обстоятельствах была сочинена эта мелодия. Частый соавтор Богословского, выдающийся французский композитор

Мари Филипп-Жерар, в свою очередь, воскрешает пережитое им в пору нацистской оккупации и Сопротивления. Он комментирует свою новую песню, сочиненную специально для «Кругозора» в тридцатое лето после Победы.

дил сегодня вечером будет плакать». Это означало сбрасывание парашютных десантов.

К сожалению, один из наших товарищей попался. У него была записная книжка с именами, в том числе и моим. Меня арестовали, но потом повезло необыкновенно, и я сумел бежать. Вместо уготованного мне гитлеровцами маршрута — соляные копи в Силезии — я оказался в Женеве.

Там я смог завершить свое музыкальное образование, но в те времена молодому музыканту с неплохим «классическим» багажом (среди моих учителей были Равель и Ансерме) прожить было невозможно. И тут я впервые встретился с песней. Я услышал, как моя музыка звучит в устах других, незнакомых людей. После освобождения я вернулся в Париж окрыленным. Это настроение отразилось в моей песне «Встреча со свободой».

За которую стою
Я жизнь отдам!..

Воспоминание о войне никогда не угаснет в нас. И поэтому я с удовольствием согласился написать песню «Внимание, братья!» для «Кругозора». На этот раз я оттолкнулся сразу, что называется, и от жизни и от литературы. Фашизм был разбит в 1945 году, но он не уничтожен. Он поднял голову в Чили, он пытается снова поднять голову в Португалии. Спустя тридцать лет после Нюрнбергского процесса мы оказались очевидцами «греческого Нюрнберга». Внимание, братья!

И в эпиллоге «Карьеры Артуро Уи» великого антифашиста Брехта я нашел нужные мне строчки:

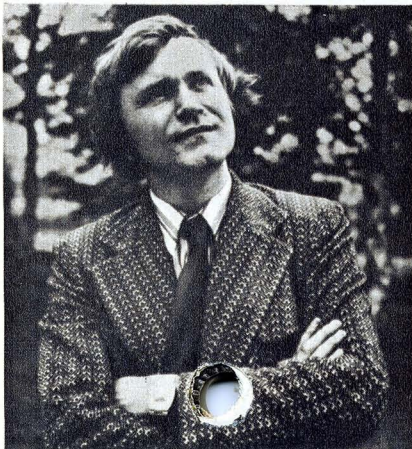
но видеть.

Учитесь не болтать, а ненавидеть. Хотя человечество и было радо, Отправив этих выродков налево, Торжествовать пока еще не надо: Еще плодоносить способно чрево, Которое вынашивало гада...

На фото: друзья по песне — М. Филипп-Жерар и Н. Богословский.

ПРИХОДИТ МЕЛОДИЯ

По просьбам читателей

Помню, как несколько лет назад в редакцию журнала «Юность» зашел никому не известный тогда Евгений Мартынов и спел песню «Баллада о матери». Это была всего лишь вторая его работа. Однако все слушавшие почувствовали способность автора проникать в душу песни, отметили хороший, «слишком хороший» для композитора голос.

Прошло не так много времени, и «Баллада о матери» стала лауреатом «Песни-74», а за песню «Яблони в цвету» Евгений Мартынов получил в этом году в Братиславе «Золотую лиру» — высшую награду международного конкурса. Сейчас к творчеству Мартынова обращаются и наши и зарубежные певцы.

В чем же секрет его успеха? Не берусь ответить на этот вопрос исчерпывающе, но уверен в одном: природа ода-

рила композитора не только музыкальностью, но и незаурядным трудолюбием. Мартынов много работает, всегда во власти музыки. Иногда вдруг среди ночи после напряженного дня приходит мелодия, как приходит к поэту давно ожидаемая строка или к ученому важная догадка. Он может часами играть различные вариации, может сутками слушать музыку, забывая о времени, обо всем на свете.

Я наблюдал его в работе, в отдыхе, в разговорах. Мне нравится это неистовство, потому что только так можно добиться успеха, можно что-то создать. Потому что искусство не терпит половичатости и забирает человека целиком. Навсегда. Так работают все увлеченные своим делом, счастливые люди. Евгений Мартынов — счастливый человек. Его песни мелодичны. Они запоминаются, их хочется петь. И тем, для кого музыка — профессия. И тем, кто просто находит в этом удовольствие. Уже пошли широко по стране новые песни Мартынова — «Если сердцем молод», «Я жду весну», «Лебединая верность», «Яблони в цвету», «Наш день»... А сколько их еще в работе!

Недавно Евгений Мартынов написал песню о шахтерах и спел ее впервые на своей родине — в Донецке. Это песня о его земляках, о родном крае, где не так давно началась его творческая биография. И все, о чем он пишет, — это его и наша жизнь, общие заботы, радости и надежды.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ

На девятой
звуковой странице —
две песни Евгения Мартынова:
«Яблони в цвету»
(стихи И. Резника)
и «Я жду весну»
(стихи А. Дементьева)
в исполнении автора
и Анны Герман.
Фото А. Лидова

ДОРОГОЙ МУЗЫКИ

ЗНАКОМСТВА

Было это лет двадцать назад, а может быть, и более. Тбилиси готовился отметить юбилей своей любимой драматической актрисы Нато Вачнадзе. Подарком ей должно было стать исполнение старинного русского романа «Калитка». До торжественного вечера оставались часы, а у гитариста никак не ладился аккомпанемент. Все были взволнованы и расстроены. «Я вас выручу!» — крикнул композитор Арчил Кереселидзе. Через некоторое время он привел девочку с гитарой, причем гитара была чуть ли не больше ее самой. Девочка стала рядом с исполнительницей и начала потихоньку подби-

рать аккорды сопровождения. Через несколько минут мы услышали «Калитку» под прекрасный аккомпанемент юной гитаристки.

Потом, уже после юбилея, Арчил попросил меня прослушать эту девочку. Оказалось, она не только играет на гитаре, но еще поет и даже сочиняет музыку. Так я познакомился с Этери Челидзе.

Прошли годы. Позади остались ее победы на школьных музыкальных олимпиадах, победа на республиканском конкурсе вокалистов, который, пожалуй, и решил творческую судьбу Этери. Ее пригласили солисткой в государственный эстрадный оркестр «Реро». Затем оркестры Леонида Утесова, Юрия Саульского, Юрия Силантьева...

Не один раз Челидзе выступала и с такими популярными зарубежными коллективами, как оркестры Карела Влаха, Густава Брома, Саши Суботы.

Но и теперь, когда я слушаю Этери Челидзе, я всегда вспоминаю маленькую девочку, много лет назад открывшую свою «калитку» в искусство.

Д. ТОРАДЗЕ,
народный артист
Грузинской ССР.

г. Тбилиси
На десятой звуковой странице вы познакомитесь с Этери Челидзе, композитором и певицей: ее песню «Синий апрель» поет вокальное трио Тбилисского политехнического института, песня «Рыбки» (на стихи И. Гришашвили) звучит в авторском исполнении.

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Почти правильной формы треугольник острова Пасхи затерян в безбрежности Тихого океана. Один из самых загадочных, удивительных островов мира был еще в древности назван «Пуп Вселенной». С незапамятных времен он воспламеняет любопытство археологов, этнографов, историков, туристов.

Его главная загадка — моаи. Так называют здесь многоотонные каменные скульптуры высотой до 24 метров. Только их красные каменные сомбреро весят до 10 тонн. Темные фигуры величественны, строги и молчаливы. Стиснутые тонкие губы не хотят выдавать тайны острова. Угловатые, квадратные лица...

Они похожи друг на друга? Да, и все-таки у каждой из фигур свое лицо, даже если и нет на нем «выдающих» глаз. Ведь глаза у моаи открывались неведомым мастером-каменотесом только в последний момент, когда скульптура занимала свое место на острове. Тех моаи, которые «дошли» до своего постамента, немного. Все они непременно смотрят на остров — они отвернулись от моря. Островитяне придают этому символический смысл: ни одна скульптура не хочет и не должна покинуть землю Пасхи. Но большинство моаи так и остались на пути к своему постаменту. В разных позах они разбросаны по пустынному побережью.

Совершенно ясно, откуда начали они свой путь. «Фабрикой моаи» жители острова называют вулкан Рано Рараку. Когда я подошла к его подножию, меня охватило сильнейшее волнение. Над землей возвышались десятки голов.

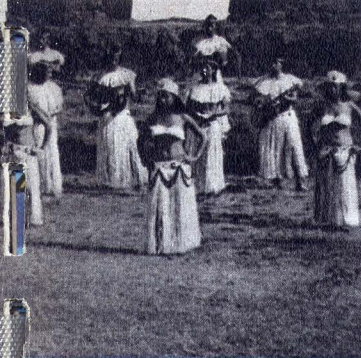
Справа
фольклорный ансамбль
«Тарараина».

Внизу — один из островитян на фоне молчаливых каменных моаи, скрывающих загадку Пасхи.

ЗАСТЫВШИЕ

На восьмой звуковой
странице — народные песни
острова Пасхи:
«Восходящее солнце»,
«Пуп Вселенной»,
«Легенда
о царе Хоту Матуа».

В МОЛЧАНИИ

Они как будто выходили из склонов вулкана. Эти моаи не успели начать своего пути, так же как другие не сумели его окончить — что-то неведомое остановило некогда фантастическую работу...

Есть на небольшом каменном острове Пасхи сказочное место — пляж Анакана. Розовый песок, изумрудное, теплое море в безветренной бухте, пальмовая роща. По преданиям, это то самое место, где некогда высадился царь Хоту Матуа, который прибыл сюда вместе с животными и семенами растений. Здесь началась жизнь острова. Так рассказывал мне старейший житель Сантьяго Пакарати. Он утверждал, что узнал все от своего отца, а тот — от своего... Только Пакарати имел какую-то тетрадь, которую он никому не показывал, но в которой были записаны все имена моаи, — он называл их мне, рассказывая, а точнее, напевая легенды своего острова. И когда я слышала его голос, видела его раскачивающееся в ритме песни тело, всматривалась в черты его квадратного темного лица, мне казалось, что передо мной оживает один из застывших каменных моаи.

Но если он был единственным хранителем письменной истории островитян, то музыкальный фольклорный ансамбль «Тарараина» стал настоящим живым хранителем песен и танцев острова. С каким упоением девушки и юноши отдавались музыке своих распеваемых танцев, околдовывая слушателя и зрителя!

Остров Пасхи принадлежит Чили. Мне рассказывали интересный случай. До прихода к власти блока Народного единства на острове была распо-

ложена так называемая станция атмосферных исследований, принадлежавшая американцам. Находилась она рядом с самым значительным постаментом моаи — «Аху Винапу». Сальвадор Альенде, прибыв на остров, естественно, захотел посмотреть на этот памятник уникальной архитектуры, напоминающий знаменитую крепость инков в Перу «Мачу Питчу». Но получил решительный отказ. Альенде пытался убедить офицера: «Господин офицер, это чилийская территория, я чилиец и сенатор чилийского правительства». Но разрешение не давалось. Тогда жестким и спокойным тоном Альенде сказал: «Слушайте, господин, сейчас я сенатор, но через два года стану президентом Чили, и вам придется убраться отсюда».

И действительно, правительство Сальвадора Альенде предприняло ряд мер к сохранению живых и каменных ценностей этого уникального места мира. Оно заботилось об экономическом развитии острова, стремилось предотвратить вымирание населения. Ансамбль «Тарараина» по личному приглашению президента в 1972 году выступал в столице Чили. Тогда-то и были сделаны записи, которые вы услышите на звуковой странице.

...Таинственная каменная земля небольшого острова. Застывшие в молчании моаи. Рядом с «Аху Винапу» лежат упавшие с постамента фигуры. Поднять их не может никто. Открытые очи моаи смотрят в небо. Громадные глазницы заполняются водой и, как озера, отражают сияющую над ними синеву.

Шела АВРАМОВА,
болгарская журналистка
Остров Пасхи — София

Д. П. Комов быстро пересек заводской двор и остановился в тени дувала. За торопливость он поплатился сердцебиением, в ушах зазвенело, перед глазами поплыли концентрические, черные с красным круги. Комов оперся о дувал, рука остигла сухое, старческое тепло глины. Он прикрыл глаза и стал пережидать дурноту. Чтобы попасть в цех, осталось одолеть еще метров тридцать до хауза, зато дальше путь пролегал тенью. Круги угомонились. Комов открыл глаза и увидел, что стоит как раз над муравейником. Черные среднеазиатские муравьи гнездятся прямо в земле. В отверстиях муравейника сонно шевелятся усики дежурных. Время нерабочее даже для работающих тварей. Как и вчера, в полдень ожидается 60 градусов. Муравьи не знают температурной шкалы, но поведение их безошибочно, на тропе ни единой муравьиной души: за нарушение законов природы смерть карает без предупреждения. И тем не менее люди, несмотря даже на это...

Комов судорожно вздохнул и оглядел двор. Ну и завод! Даже та полукустарная мануфактура, на которой он работал до эвакуации, кажется теперь недостижимым идеалом. Что поделаешь, оружие не выбирают, надо сражаться тем, какое под рукой. Быть может, есть в этом даже свое величие. На оборудованном заводе всякий сумеет, а здесь, на допотопных станках, да и не на заводе, это заводом никогда не было, это была учебная мастерская, такая она и останется, когда все минует и сюда снова придут озорные девчонки и мальчишки вроде Петьки...

Он прикрыл затылок ладонью и двинулся к хаузу. Шел, механически переставляя ноги, в каком-то вынужденном ритме, словно продиктованном организмом в отместку за чинимое над ним опасное насилие. Шел, волоча на себе пылающее небо. Дотащился до хауза и сел у воды, прислонясь к стволу ивы. Квадратный водоем окружен ивами со всех сторон, здесь тень. Не прохлада, все тот же удушующий печной жар, но хотя бы тень. Сидя в этой тени, он словно бы отключился от собственного тела, и воображение, на миг освободившись от тирании сознания, занялось тем, что было всего дороже, и перед ним возникла Таня, живая и здоровая, совсем живая и совсем-совсем здоровая, полненькая, уютная и такая родная, что сдавило горло. Таня смеялась и тащила из воды Петьку, а он, весь в пупырышках, как июньский огурчик, рвался обратно, в студеную днепровскую воду...

Отгоняя видение, Комов крепко потер лицо, огляделся и увидел вокруг товарищей, рабочих своего цеха, вповалку лежащих на берегу хауза в душной тени ив.

Ближе всех к нему спит начальник завода, однорукий и одноглазый Макаrchук. Его прислали недели две назад прямо из госпиталей взамен предшественника, ушедшего на фронт с ремонтной мастерской. Рубаха Макаrchука широко распахнута, далеко в сторону откинут пустой рукав, перевязана от мух пустая глазница, и даже приоткрытый рот кажется пуст.

#60 ПО ЦЕЛЬСИЮ

Рядом с Макаρχуком четырнадцатилетний Юсуфджан вытнулся к боку и следит за Комовым настороженным взглядом. В данный момент Юсуфджан просто не переносит парторга. За что — этого он сказать не сумел бы, Юсуф не переносит Комова авансом. Он ненавидит его длинный нос, его печальные, добрые глаза, его седеющие волосы, все его серовато-бледное лицо. Комов встретил его взгляд, вздохнул и перевел глаза дальше. Там, подобрав под себя ноги, сидит седобородый Эргашев. Юсуф борется со зноем по-европейски, весь его наряд состоит из брюк. А старый, мудрый Эргашев одет в ватные брюки, в ватный халат, на коротко стриженной голове тибетейка. Он тоже зорко, хотя и незаметно, наблюдает за развитием событий: при почтенном возрасте у него, как и у Комова, тяжелая болезнь сердца, а день желтый, трудный.

Комов отвел глаза. Что делать? С утренней сводкой Информбюро камнем на голову упало известие, что наши части оставили Ростов. Гитлеровцы рвутся к Волге. Они уверены, что вот-вот, еще одно усилие!.. И пока они напрягаются для этого усилия, буквально в то же время по солнцу, он с товарищами, по милости этого самого солнца, простаивает с десяти до шестнадцати. Положим, работать невозможно. Да что работать — жить невозможно, дышать, тянуть минуты. Все цепенеет, даже дежурные аптеки. Но пятнадцать токарных станков на протяжении шести часов — это девяносто станко-часов, это шестьсот семьдесят мин, пусть не все они попадут в цель, пусть даже ни одна не попадет, но они заставят оккупантов залечь, приостановиться, а за это время — о, за это время!

Снова замерло сердце, и снова он замотал головой, отгоняя нечто неотвратимое, что вошло в жизнь где-то одновременно с утренней сводкой. Ну, как позвать людей к станкам? Тяжко дышат в воде бесчувственные от каменного зноя лягушки. Позабыли о страхе. А люди о долге?

Черт бы побрал тебя с твоей деликатностью, сказал он себе. Минут через пятнадцать люди потянутся к тарному цеху, и оттуда их уже не вытащить. Там толстые саманные стены и арык с прохладной водой. Когда на улице 60 градусов, в тарном цехе 40. А в токарном 100. И надо работать. Работать, а не просто находиться в нем!

Он вспомнил свои хождения по военкоматам, просьбы, заявления, неумелые маневры. Не взяли. Насколько было бы проще там, чем здесь. А чем, собственно, проще?

Поднимать людей в атаку проще, чем созвать к станкам? И все-таки армия есть армия, приказ есть приказ. И солдат есть солдат, а не четырнадцатилетний Юсуфджан или больной старик Эргашев.

Ладно, сказал он, хватит. Все понять — все простить. Но прощать нынче не время, это потом, после.

Он встал — бережно, медленно: при такой температуре резкая перемена позы чревата обмороком.

— Товарищи, — сказал он.

— Агитацию будешь? — визгливо спросил Юсуфджан. — Кушать мало-мало, курсак пустой, куда твой агитация? Какой ишак работать такой градус?

Проснулся Макаρχук и сказал:

— Э, Юсуф, на фронте труднее.

— Я маленький для фронт! — возмущенно закричал Юсуфджан.

— Ишь ты! — удивился Макаρχук и осторожно сел. — Верно вообще-то. Так тебя и здесь никто не держит.

Юсуфджан засопел.

— Сегодня наши войска оставили Ростов, — сказал Комов, и сердце замерло снова. — На счету каждая минута. Заставлять никто не будет. Но каждый, кто понимает...

Он поперхнулся, отгоняя некая возникшее воспоминание. Совсем еще маленькому Петьке подарили двухколесный велосипед. Вместо благодарности из Петьки выплеснулось торопливое и невнятное бормотание, он вскочил в седло и, конечно, сразу упал. Еще одна попытка — с тем же результатом. Все-таки он снова прыгнул на велосипед и свалился в третий раз. Поднялся с ободранной щекой, с камешком, прилипшим к носу, и заревел, но не жалобно, бодро и зло — от досады, что этот аппарат не подчиняется.

И вдруг ярость переполнила Комова. Была она необъятной, возможно, необъяснимой, а объектом избрала заготовки мин, сработанные литейщиками в прохладную ночную смену. Он повернулся и молча ушел в цех. За ним, помахивая пустым рукавом, двинулся бесполезный для станков Макаρχук. Неприлично заругался, вскочил и зашагал в цех Юсуфджан. Другие еще медлили, но в это время на высокой ноте неистово запел станок Комова.

Только старый Эргашев некоторое время еще сидел у хауза. Он вглядывался в саманную прохладу тарного цеха. Потом поглядел на свой. Над его раскаленной крышей колыхалось марево.

Эргашев тяжело вздохнул и поднялся...

Комов возвращался с завода ночью. Светила луна, небо было серебряным, со стороны пустыни дул прохладный ветерок. Комов подумал о рассвете. Тогда станет по-настоящему холодно, придется натянуть на себя ватное одеяло, и в тишине и прохладе ночи ему, смертельно усталому, согретому одиноким теплом собственного тела, быть может, приснится что-то из той безмятежной жизни, которая непременно еще повторится для других счастливых цев.

Он уже протянул руку к двери — и отдернул ее, потому что вспомнил то, что вошло одновременно со сводкой Информбюро и о чем он запретил себе вспоминать весь этот долгий день. А день выдался изрядный. Сперва сомлел Эргашев, затем хлопнулся в обморок упрямый Макаρχук. Эргашев отлежался и встал к станку, а Макаρχука пришлось нести в тарный и долго хлопотать над ним, и за всем этим как-то удавалось не думать, что дома, на столе, лежит вскрытое и уже прочитанное письмо о том, что лейтенант Петр Данилович Комов убит.

Д. П. Комов дернул головой, этот жест стал уже делаться привычным, и долго глядел на лучезарную луну в чистом и сухом серебряном небе. Потом он бессмысленно потрогал дверь и пошел от нее прочь, к заводу. Идти было далеко, через весь город.

Рисунок В. Семенова

За десять лет работы в Художественном театре

Ирина Мирошниченко сыграла
в нескольких пьесах Чехова.

«Три сестры» и «Чайка» в постановке Б. Ливанова
шли на сцене МХАТа. «Дядю Ваню» снимал А. Кончаловский.

Просматривая рецензии, оценивающие работу актрисы
над чеховскими образами, редакция
обратила внимание на отзыв В. Б. Шкловского в статье,
посвященной разбору «Чайки»: «Замечательно,
по-чеховски играет Машу И. Мирошниченко».

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Толстой восхищался Чеховым. Он говорил: «Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз понял ту силу, какую приобретают типы от смело накладываемых теней...»

Мирошниченко в «Чайке» играла неглавную роль Маши, дочери управляющего. Эту девушку Чехов описывал с любовью, умея накладывать темные краски, оставляя предмет прекрасным. Он ставил ее в тяжелые положения, не давал ей счастья, но давал красоту верности.

В спектаклях часто происходят перестановки центра действия, потому что каждая постановка талантливого автора—это новое раскрытие законов лабиринта сцеплений отношений между людьми.

Центром в постановке Ливанова стала Маша. Не Нина с несчастливой театральной судьбой, не Чайка, а женщина, которая просто любила, была несчастлива, несчастливо вышла замуж, имела ребенка и продолжала любить.

Чехов в письме к брату сказал: написавши что-нибудь, оторви три первые страницы. Но он отрывал и последние страницы. Его вещи существуют по своим внутренним законам.

В старом театре, даже шекспировском, человек начинал говорить и кончал говорить. Его дослушивали.

У Чехова люди друг друга не дослушивают. Они не говорят, а проговариваются. Они не видят сцену, они не знают своей будущей судьбы. Они не жалеют себя. Они жалеют другого.

У Чехова Аркадина, властная и сентиментальная, затеяла в имени, в котором выросла, игру в лото.

У Чехова на сцене никто не говорит Аркадиной, что сын убил себя.

Как же это было сделано в постановке Ливанова?

РАЗГАДЫВАЯ ЧЕХОВА

ТЕАТР «КРУГОЗОР»

Выкрикивает номера вынутых фишек в лото Маша. Она произносит цифры; люди живут своей бестолковой жизнью и явно ненужными удачами.

Но Маша, как удающий человек, уже догадалась, что произошло, хотя доктор успокоил всех: выстрела не было, а лопнул флакон с эфиром.

Маша перечисляет цифры. Аркадина мило удивляется несоответствию голоса шутилой игре.

Счет подчеркивает незаконченность и непонятность трагедии. Сейчас все кончится узнаванием великого горя.

Я, как беллетрист и кинематографист, мало знаю театр. Но мне кажется, что Б. Ливанов в «Чайке» разгадал Чехова. Потому что Чехова надо разгадывать, заново выясняя истинные взаимоотношения людей.

Настоящий Чехов—это сыгранный во внечеховской манере. Не чеховское настроение, а сыгранная судьба человека, и не для себя сыгранная, а для раскрытия судьбы любимого. Так играла Мирошниченко. В этом ее удача.

Ирина МИРОШНИЧЕНКО

Борис Николаевич Ливанов предложил мне сыграть яркий, острый и странный характер. Тогда в России был моден суфразизм, и ему хотелось, чтобы Маша каким-то образом приближалась именно к такому типу женщины.

От этого пошел и внешний рисунок роли: пенсне, определенная стрижка. Она нюхает табак, пьет водку. Но все ее поведение, грубоватое, резкое, объясняется только тем, что она безумно любит Треплева. Он же ее не видит, не замечает, оттого ей и хочется всегда быть экстравагантной, привлекать внимание, быть похожей на тех модных девиц, что живут в городе.

Она верит в то, что рядом с ней Треплев был бы великим писателем. Ей кажется, что она единственная, кто его понимает как художника и как человека.

Но так складывается жизнь, что он, к сожалению, любит совсем другую женщину. И в конце пьесы, когда уж совсем все плохо, ей не нужен ни табак, ни водка, ни вся эта внешняя мишура. Она совсем простая, немного даже опустившаяся женщина, которая не любит ни мужа, ни ребенка, но так же мучается, страдает, любит и понимает Треплева.

Это получился довольно бурный спектакль. И от нас Ливанов требовал такого же бурного решения характеров и исполнения, страсти, эмоций, очень сильного восприятия жизни. Он так понимал Чехова.

Я к тому времени много думала об этом писателе. Я уже играла Ольгу в «Трех сестрах», и из чеховских ролей она была для меня самой трудной. Может быть, оттого, что была первой.

На пятой звуковой странице И. Мирошниченко воссоздает в памяти весь репетиционный период. Где, как, когда пришло понимание образа Ольги и понимание того, почему пьесы Чехова не сходят со сцен мира.

Фото И. Гневашева

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Главный экзамен Владимира Пряхина.** История, рассказанная в поле, у комбайна.
2. **Что мы оставляем в сердцах сыновей? Редкая запись педагога В. А. Сухомлинского.**
3. **Читает Сергей Есенин.**
4. **Эта птица—праздник.** Песнь пугливой иволги.
5. **В гости к сестрам Прозоровым.** Актриса Ирина Мирошниченко в пьесе Чехова.
6. **Иоганн Штраус — король вальса.**
7. **Наши премьеры:** «Седые парни» (Н. Богословский, Л. Палладин); «Внимание, братья!» (М. Филипп-Жерар, Ж. Дрежак). Поют Николай Соловьев и Ирина Подошнян.
8. **Напевы острова Пасхи** в исполнении фольклорного ансамбля «Тарараина».
9. **Композитор Евгений Мартынов:** «Яблони в цвету» (стихи И. Резника) и «Я жду весну» (стихи А. Дементьева).
10. **Песни Этери Челидзе.**
11. **Ритмы Армстронга** из программы «Нью-Йорк джаз репертуар компании».
12. **Мики Евремович (Югославия):** «Прощай, любовь моя» (М. Евремович), «Мой белый пес и я» (Б. Бизетич, А. Шнах).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИЮ И
РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки
рисунок Т. и Б. Сопиных
«Дороги урожая».

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
31/VII 1975 г.
Б 04845. Подп. к печ.
11/VIII 1975 г.
Формат 60 × 84 1/2
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 996. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО

Редакционная коллегия:

В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), И. Д. КАЗАКОВА,

Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),

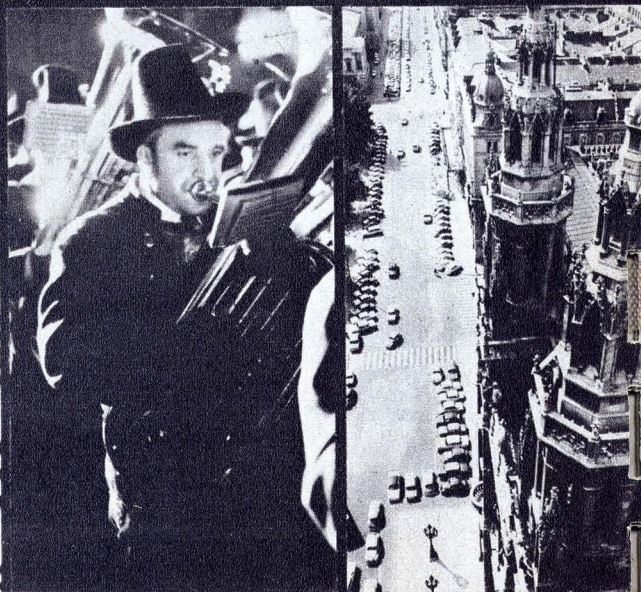
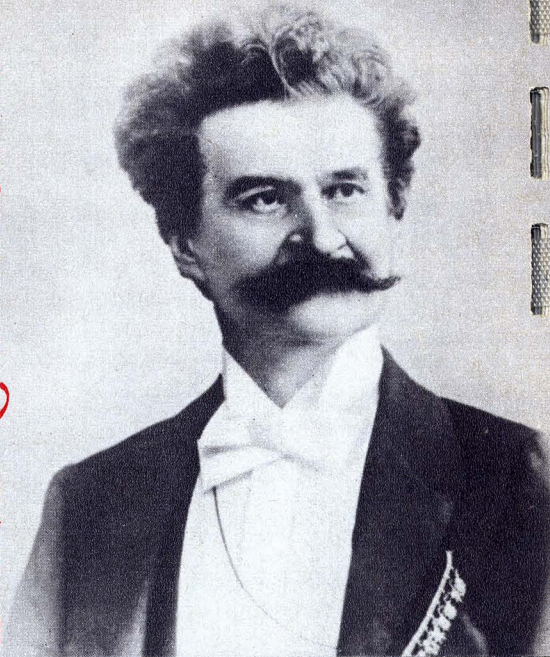
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер)

Технический редактор Л. Е. Петрова

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва.
Пятницкая, 25.
«Кругозор»

В ВИХРЕ ВАЛЬСА

СТРАНИЦЫ КЛАССИКИ

Вальсы Иоганна Штрауса. Венские вальсы... Вот уж поистине справедливо сказано, что они закружили в своем вихре всю планету. Я вспоминаю маленький Тутаев, расположенный на обоих берегах Волги. Из городского парка доносятся музыка. Не очень стройные голоса труб, валторн, фоготов тихо выговаривают мелодию вальса. Звуки «Голубого Дуная» плывут над Волгой...

И вальсы Штрауса в Лондоне, в Сент-Джеймском парке. По одному, неспешно подтягиваются начищенные до блеска, выглаженные музыканты военного оркестра. Они очень серьезные и чуть-чуть опереточны. Дирижер взмахивает палочкой, и спокойно, без тутавеской лихости льется мелодия «Голубого Дуная», «Сказок Венского леса»...

Военная, наполненная эвакуированными Уфа. На вокзальной площади музыка провозжает на фронт. Духовой оркестр играет «Священную войну», марши Чернецкого... А вечером в парке Салавата—вальсы Штрауса, и звучат они как надежда на будущую радость...

Перед самой войной кинопрокат выпустил на экраны нашей страны американский фильм «Большой вальс». Что узнали мы из этого фильма об Иоганне Штраусе? Молодой человек с красивыми черными усами против воли родителей посвящает себя музыке. Он одержим ею, музыка слышится ему повсюду, во всем, даже в цокоте лошадиных подков, даже в пщелквании извозчичьего хлыста. Возле него появляется потом преданная, безогородная жена, столь же преданная и столь же благородная знаменитая певица, сияющая молодая красавица. И в финале фильма добрый, благородный император Франц-Иосиф выйдет на балкон вместе с героем фильма, седым и тоже очень добрым и благородным человеком, и скромно отступит в тень, когда толпа начнет приветствовать своего любимца, короля вальса Иоганна Штрауса. Все так по-голливудски, что лучше не придумаешь. Но жизнь придумала лучше.

Их было два Иоганна Штрауса. Отец и сын. Вена боготворила обоих. А понятия «Вена» и «вальс» трудно было разделить в те времена. Вальс родился в Вене. Добрые ветры принесли в этот многонациональный город напевы Словакии, Галиции, Далмации, танцевальные ритмы Польши и Чехии. Смешавшись с тирольскими и штирийскими мелодиями, они и образовали сплав, ставший венским городским музыкальным фольклором.

Музыкантов, владевших сердцами венцев в первой половине XIX века, звали Йозеф Ланнер и Иоганн Штраус. За их польки, галопы, вальсы им прощались разные проказы: то они меняют местами вывески булочника и гробовщика, то чарядят чопорные каменные изваяния в ночные колпаки и калаты. К друзьям пришла слава, а вслед за нею и соперничество. Началась долгая музыкальная дуэль—Ланнер против Штрауса. Победил Штраус, его яркие, темпераментные вальсы вырвались за границы Австрии и с успехом прошли почти по всем столицам Европы. Им аплодировали Верди, Паганини, Лист...

Но успех Иоганна Штрауса-отца был превзойден Иоганном Штраусом-сыном. Это его называли «королем вальса». Это

им написаны «Голубой Дунай», «Сказки Венского леса», оперетты «Летучая мышь» и «Цыганский барон».

Слава Штрауса-сына вспыхнула, как фейерверк. Штраус-старший нанял клакеров, чтобы сорвать первый концерт младшего. «Вене достаточно одного Штрауса»,—говорил он, не предполагая, что скоро у Вены будет их четверо: ведь авторами и исполнителями вальсов стали также его сыновья Йозеф и Эдуард.

Ну, а была ли в жизни Иоганна Штрауса-младшего знаменитая певица, вдохновившая его на лучшие творения?

Да, была. Это венская прима Генриетта Трефц—жена композитора. Был и извозчик Братиш, неизменно поджидавший своего знаменитого клиента у калитки его дома. Он знал наизусть все мелодии короля вальса и насвистывал их во время прогулок по Шенбрунскому парку. Это он подсказал мелодию вальса «Вино, любовь и песни».

Но не только вальсы заполняли жизнь Иоганна Штрауса-младшего. Он был серьезным, большим музыкантом, исполнявшим партитуры Моцарта, Бетховена, Вагнера. Листа во всех странах мира. Несколько раз был он и в России, где афиши оповещали о приезде «знаменитого венского музыканта Ивана Страуса». В «Павловском воксале» исполнял он музыку Глинки, Серова, Чайковского и свои вальсы.

До сих пор Вена отдает дань памяти Иоганна Штрауса. В дни Венского фестиваля город сверкает, как новогодняя елка. На всех площадях, в скверах, во всех танцзалах и на всех эстрадах звучит музыка Штрауса, звучат его вечно живые и вечно прекрасные вальсы.

Людмила КРЕНКЕЛЬ

На шестой звуковой странице—фантазия на темы вальсов Штрауса из кинофильма «Большой вальс» в исполнении Милицы Корьюс и оркестра.

На фото: И. Штраус—король вальса; на улицах Вены в дни фестиваля; кадр из фильма «Большой вальс».

12
**МИКИ
ЕВРЕМОВИЧ**

Цена 1 руб.

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Югославия

Мики Евремовича называют «золотым соловьем» Белграда. Родился и вырос он в маленьком городке Валева. Как у всякого мальчишки, у него было много увлечений. В частности, футбол и шахматы. Любовь к шахматам он перенес и во взрослую жизнь, участвуя в серьезных шахматных турнирах Югославии.

Но на эстраду Мики Евремович пришел не случайно. Уже в школе он выступал в самодеятельности. На конкурсе «Самый веселый народ» занял первое место, и его направили в Белград, куда собирались победители из всех городов Югославии. И снова — первое место.

Но тогда еще Мики Евремович не чувствовал себя певцом и поступил на машиностроительный факультет Белградского университета. Конферансье Дома студентов, увидев однажды Мики в зале и вспомнив, что он неплохо поет, пригласил его на сцену. Так Мики стал участником еженедельных университетских концертов «Встречи в среду». Тамто его и заметил известный югославский композитор Драгомил Ристич и попросил записать свои песни. Первая в жизни певца пластинка принесла ему золотой диск. Тогда же Мики начал писать стихи и музыку. Его песня «Слезы на ветру» вышла в финал фестиваля «Опатия-62». Мики начал серьезно заниматься пением у профессора Станоса Янковича.

Мики много гастролирует, участвует в фестивалях. 67-й год принес ему «Золотой микрофон» — приз фестиваля «Песни лета». 70-й — сразу три первых приза на трех разных фестивалях. В этом же году вместе с Радмилой Караклаич он впервые приехал в Советский Союз. А 71-й он считает самым счастливым в своей жизни, потому что именно тогда ему предложили проехать с сольными концертами по всей Югославии. И именно тогда ему, певцу, владеющему бельканто, почитатели и любители его голоса и манеры пения присвоили звание «золотой соловей».

С. ЧЕКРЫГИНА